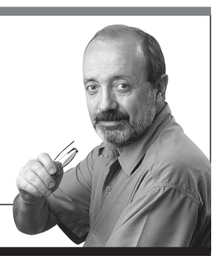
Сердце без страха и порока



Лев Амбиндер
руководитель Российского фонда помощи

Российский фонд помощи и американская благотворительная организация «Русский Дар жизни» (Russian Gift of Life) договорились о долговременной совместной программе сбора средств для хирургической помощи детям с врожденными пороками сердца в Томском НИИ кардиологии РАМН. На первом этапе этот проект предполагает вложение как минимум $120 000.

Ъ Благотворительная организация «Русский Дар жизни» создана американцами российского происхождения в 1989 году в городе Си-Клифф, штат Нью-Йорк, США. Она сотрудничает с международной программой Ротари-клуба «Дар жизни» в оказании помощи российским детям с врожденными пороками сердца. «Русский Дар жизни» привозит детей для хирургических операций в клиники США, обеспечивая прием, переводчика и медицинские услуги. В последние годы эта организация финансирует операции и в России. За 15 лет «Русский Дар жизни» помог 750 российским детям, из них 450 прооперированы в клиниках США и 300 — в РФ. У нас подобные операции в среднем стоят $5000, в США — до $40 000. Более подробную информацию об организации можно получить по электронному адресу rgol@mail.com.

Первый этап совместной программы Российского фонда помощи и «Русского Дара жизни» рассчитан на год, стартовал только что, этой публикацией, и предполагает вложение как минимум $120 000, по $60 000 с каждой стороны. Деньги пойдут на оплату только тех операций, на которые не распространяются государственные квоты. Обычно это операции с применением импортных расходных материалов типа окклюдеров, стентов, кардиостимуляторов.

Эта договоренность с американцами, скорее всего, вызовет у читателей не меньше вопросов, чем у нас в редакции. Честно говоря, я не очень уверен, что знаю правильные ответы. То есть нет никаких сомнений в искренности намерений друзей из «Русского Дара жизни». А уж что каждая копейка из-за рубежа будет очень кстати любой нашей клинике, тут и спорить не о чем. Но почему именно детские сердечные пороки, а не церебральные параличи, к примеру, или врожденная глухота? Тоже актуальные темы. Зачем вообще какая-то программа, если Российский фонд помощи, камерная общественная организация, не располагающая ни собственным капиталом, ни даже счетом в банке, вполне успешно справляется со своей задачей — рассказывать об отдельных несчастьях отдельных сограждан тем, кто хочет и может им помочь? И почему Томск, а не, скажем, НЦ ССХ имени Бакулева, знаменитая Бакулевка, которой руководит блестящий практикующий хирург Лео Бокерия, где избавление детей от сложных пороков сердца превращено в крупнейший на континенте производственный поток и куда с надеждой везут самых тяжелых ребятишек со всей России? И к чему эта морока с организацией совместных пожертвований, 50 на 50 за операцию?

Так вот, в почте фонда много отчаянных писем от семей с детьми-сердечниками. Из Сибири особенно много. Хотя нашу почту вряд ли можно признать сколько-нибудь репрезентативной, но тут она вполне совпадает с официальной статистикой. У нас врожденные пороки сердца в структуре пороков развития составляют почти треть. А в Томской области число детей с болезнями системы кровообращения превышает среднероссийский показатель в 2,2 раза. Половина из них умирает на первом году жизни, в следующие год-полтора — еще 25%. Многих могли бы спасти.

Однако было бы лукавством заявлять, будто именно жутковатая статистика подтолкнула нас к этой программе. Тема востребована читателями, в этом все дело. Есть ощущение, что можно публиковать сколько угодно просьб на эту тему, и всем помогут. Несколько лет с нами связаны люди, готовые платить за такие операции даже по неопубликованным письмам. Один читатель предлагает крупную систематическую помощь для детей с врожденным пороком сердца, «но только не в столицах, где избыток госквот, а в провинции». Другой заявляет о готовности поддержать «проект типа вашего новосибирского: вкладываешься в частную судьбу, а вырастает целое направление».

Действительно, пять лет читатели оплачивают операции по поводу девичьих тяжелых сколиозов в Новосибирском НИИ травматологии и ортопедии. Пять лет назад там был один энтузиаст — хирург Михаил Михайловский. Теперь есть клиника, три бригады хирургов, туда едут и девушки из Европейской России. В прошлом году прооперированы 102 пациента (говорят, больше, чем в любой клинике страны), причем 54 операции оплатили наши читатели ($290 000). В этом году помощь вновь заметно выросла. Мы не придумывали специальной «горбатой» программы, но мне искренне жаль, что при всех многочисленных разговорах на тему «PR и благотворительность» вот такое красивое направление не стало именным в честь кого-то из читателей „Ъ“ или его фирмы. Помощь идет по-прежнему анонимно, хотя такой имидж-ход пропадает!

Может быть, сердечную программу с PR-целью поддержит некая компания? Мы бы это приветствовали. Если желающие не найдутся — тоже ничего страшного. Уже полгода мы регулярно публикуем письма из Томска, и все они востребованы.

Представляется также, что если помощь будет совместными дарами (matching gifts по-американски), то откликов окажется даже больше, чем на 24 сердечника. Расчет прост: цена ниже — откликов больше. И наконец, почему Томск? Мы искали кардиоцентр с острой потребностью в увеличении числа платных операций, с развивающейся материальной базой, с кардиологами и хирургами, у которых сильны профессиональные амбиции. Все это есть в Томске: только что открыто новое детское отделение на 50 коек, 5 операционных, 31 доктор наук и 75 кандидатов наук, 47 врачей высшей и 12 — первой категории, они обслуживают многие регионы Сибири, о них высоко отзывается академик Евгений Чазов. И уже полгода они адекватно отчитываются за каждый взнос наших читателей. Чем не партнеры?

Кислородное голодание

Детям с пороком сердца не хватает на сердце заплат

При встрече с Сашей Коваленко сразу понятно, что в прежней, додетдомовской жизни ему не хватало питания ФОТО АЛЕКСЕЯ КУДЕНКО

Саше Коваленко восемь лет. Матери нет. Отец уходил на несколько дней, оставляя Сашу с сестренкой одних в деревенской избе и не оставляя детям еды. С осени Саша живет в детском доме. Он не знает грамоты и счета. Он впервые увидел игрушки. У него в медицинской карте появилась первая запись — порок сердца.

Доктор Евгений Кривощеков, хирург Томского НИИ кардиологии, говорит мне:

— Мы делаем 50–60 операций в год. А нужно делать 300.

— Почему вы не делаете 300?

— Потому что квота.

Доктор Кривощеков рассказывает, что каждый год в Томском НИИ кардиологии около 300 детей нуждаются в операциях по поводу порока сердца. Это дорогостоящие операции. Государство говорит, что у него нет на эти операции денег. Государство устанавливает квоту на подобные операции. И хирург должен сделать неестественный для врача выбор: одного ребенка прооперировать, а двум детям отказать в операции.

Это сложные операции, их делают в Москве, Петербурге, Новосибирске и Томске. У многих людей просто не хватает денег, чтобы отвезти ребенка в Москву.

— Благополучным семьям не хватает денег,— говорит доктор Кривощеков,— а детдомовских детей кто повезет в Москву?

— И что? — спрашиваю.

— И все. Дети с пороком сердца не живут дольше 30 лет.

Это тяжелые операции. Надо рассекать грудную клетку, надо давать ребенку наркоз и держать ребенка во время операции на аппарате искусственного кровообращения. После операции на груди ребенка остается большой уродливый шрам.

— Но дело даже не в шраме,— говорит доктор,— хотя девочкам, конечно, плохо жить со шрамом через всю грудь. Дело в том, что искусственное кровообращение пагубно сказывается на развитии ребенка. Эти дети и так отстают в развитии, потому что сердце работает неправильно и мозгу не хватает кислорода, питания не хватает, понимаешь?

Дверь в кабинет открывается. На пороге стоит мальчик восьми лет. И про мальчика сразу понятно, что ему не хватает питания. Мальчика зовут Саша Коваленко. Доктор Кривощеков дает Саше банан, и Саша принимается сосредоточенно банан есть — так, что пока не съел, не может отвечать на мои вопросы. Еще доктор дает Саше шоколадку «Твикс», и Саша прижимает ее к груди, как родную. Приехавшая вместе с Сашей воспитательница из детского дома говорит:

— Ты положи пока шоколадку, мы потом домой в автобусе поедем, и ты ее съешь.

Мальчик безропотно кладет шоколадку на стол. И рассказывает.

Он рассказывает, что мать давно оставила их с сестренкой, а отец работал на лесоповале и часто уходил на несколько суток, не оставив детям ни еды, ни одежды. Из одежды у них были шорты и куртки. Они надевали шорты и куртки и бежали к соседям, чтоб соседи покормили их. Обуви у них не было.

— А зимой как? — спрашиваю я Сашу.

— Так я про зиму и говорю.

— А ты плохо себя чувствуешь?

— Нет, хорошо,— говорит Саша, а воспитательница качает головой, потому что на самом деле Саша часто болеет всеми на свете болезнями из-за своего порока сердца.

— А тебе не тяжело играть с ребятами?

— Нет, не тяжело, я со всеми вместе бегаю,— говорит Саша, а воспитательница опять качает головой, потому что на самом деле через две минуты игры в салочки Саша отходит в сторону, ложится и лежит, переводя дыхание.

— А с кем ты дружишь в детском доме?

— С Владиком,— отвечает Саша, а воспитательница качает головой, потому что у Сашиного друга Владика тоже порок сердца и в июле ему уже сделали операцию, но не на бюджетные деньги, а на деньги собранные вами, читатель.

— А ты в больницу-то придешь лечиться?

— Приду,— у Саши загораются в глазах огонечки.— Здесь столько игрушек, что точно приду, особенно если на компьютере можно поиграть.

— Можно, приходи, лечись, играй,— говорит доктор Кривощеков.

И когда доктор говорит это, он не знает, правду ли говорит. Потому что, во-первых, на Сашу может не хватить квоты. Во-вторых, по-хорошему, Саше надо постараться сделать не операцию на открытом сердце с использованием искусственного кровообращения, которое грозит превратить Сашину педагогическую запущенность в настоящую умственную отсталость, а щадящую эндоваскулярную операцию: без разреза груди, без искусственного кровообращения катетером через артерию на бедре ввести в сердце амплацер.

Амплацер — иначе говоря, заплата, накладываемая в сердце ребенка на дыру, сквозь которую смешиваются артериальная и венозная кровь,— стоит почти $7 тыс. Но государство не покупает детям амплацеров, государство в лучшем случае оплачивает операции на открытом сердце, потому что они дешевле.

Амплацеры детям в России покупают незнакомые добрые люди. И если вы добрые люди, то можете рассчитывать, что Саша и десятки таких же, как Саша, детей, получив амплацеры, не просто выживут, но и научатся читать.

И прочтут ваши имена.

ВАЛЕРИЙ ПАНЮШКИН

Сашу Коваленко и еще четверых томских сирот избавят от пороков сердца 255 857 рублей

Обычно по таким случаям в фонд обращаются родители. Обычно каждая подобная публикация — об одном тяжелобольном ребенке. А тут в течение недели мы получили сразу пять писем от руководителей пяти сиротских заведений Томской области, в которых истории, по существу, отличаются только именами, возрастом и ценой спасения. На месте Саши Коваленко мог оказаться любой из этой пятерки, разве что цена Сашиной проблемы подороже, чем у остальных (186 600 рублей).

Годовалому Вале Громышеву надо установить импортный протез в сердце (151 196 рублей), прогноз вполне благоприятный. Четырехлетнему Диме Чучукову нужен окклюдер, так как в его сердце отсутствует перегородка между предсердиями (145 250 рублей). Семнадцатилетнему Володе Кононову и восьмилетней Тане Величко требуются новые долговечные кардиостимуляторы (по 162 740 рублей за штуку) — старые вышли из строя, и это может привести к трагедии (полностью текст писем размещен на сайте www.rusfond.ru). Общая стоимость имплантантов — 808 526 рублей. С учетом $5000 от «Русского дара жизни» и уже традиционного ежемесячного вклада $11 500 от компании «Ингосстрах» (подробности на сайте www.rusfond.ru) на операции томским сиротам не хватает 255 857 рублей.

Как всегда, ваша помощь может быть любого размера, она будет с благодарностью принята. Банковские реквизиты Томского НИИ кардиологии и счета на каждого ребенка можно получить в фонде.

ЭКСПЕРТНАЯ ГРУППА РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Из свежей почты

Алексей Волобуев, 18 лет, сколиоз IV степени, спасет срочная операция в Новосибирском НИИТО. 209 680 рублей.

Когда я узнала о вас, стало легче. Мой Алеша очень болен. В родах у него была ущемлена левая часть тела. И вывих бедра заметили не сразу, а потом уже поздно было. Я окончила курсы медсестер и сама лечила его под контролем врачей. А когда Алеше исполнилось 10 лет, внезапно умер муж. Я была словно в ступоре и не заметила стремительного развития сильнейшего сколиоза, спина просто горбом пошла. Тогда я пошла в больницу санитаркой, по ночам изучала сколиозы по книгам. Спасения, казалось, нет, сыну грозила неподвижность. А потом узнала о методике применения металлоконструкций в Новосибирском НИИТО. Выслала снимки. Мне ответили, что у Алеши предельный изгиб позвоночника и нужна срочная операция, ее цена 209 680 рублей. А моя зарплата 1200 рублей. Умоляю, помогите Алеше! *Галина Волобуева, Кабардино-Балкария*

Завотделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «У Алексея две дуги, грудная и поясничная. Тело крайне деформировано, состояние внутренних органов скверное. Операция поможет радикально, откладывать ее нельзя».

Сельская школа, острая нужда в мебели, пособиях, книгах, спортинвентаре, телевизоре и магнитофоне. 200 992 рублей.

В нашей школе 90 ребят из двух сел и 14 дошколят, так как детсада в округе нет. За 25 лет ни разу не обновляли мебель, хотя и полагается менять раз в пять лет. Библиотека пуста, ни справочников, ни энциклопедий. По президентской программе нам выделили 97 художественных книг, и все в одном экземпляре. До райцентра 45 км, да ведь и там мало что есть. А видели бы вы, какие карты мы вывешиваем на уроках географии и истории: лохмотья 1952 и 1961 годов выпуска. Мир изменился, а у нас СССР и африканские колонии. Нет инструментов для уроков труда, спортинвентаря, магнитофона. На экзамены телевизор несу из дома: варианты работ передают по телевидению. У нас очень старательные дети, прогульщиков и второгодников нет. Нам очень нужна ваша помощь. Заверяю, что за каждую вашу копейку отчитаюсь сполна. *Анатолий Евсеев, директор Апалихинской школы, Саратовская область*

Инспектор РОНО Елизавета Гутко: «Мы там закрепили фундамент и крышу поправили, а вот с пособиями, мебелью и впрямь беда, помочь не в состоянии. А Евсеев молодец, молодой и сильный педагог. Никто из его учеников не состоит на учете в милиции, и успеваемость хорошая».

Валерий Ермаков, 41 год, инвалид, пятеро детей, нужен мини-трактор для огородных работ. 158 000 рублей.

Нас в семье семеро, а здоровы лишь двое старших детей. Надя и Женя погодки, учатся в лицее (раньше ПТУ называлось) на парикмахера и автомеханика. Я работал слесарем на шиферном комбинате, а в 1989 году у нас родился больной сын Валера, и я ушел в отпуск по уходу за ребенком. Жене тогда оперировали почки, было нагноение, ухаживать за малышом она не могла. Через год появился Ваня, и тоже больной. Жена сильно болела, вот я и был всем нянькой. Работу пришлось бросить. Младшая, Катя, уже в 5-м классе. Ей сделали операцию на сердце в «Бакулевке». А теперь и я инвалид второй группы, на учете у гематолога. Пенсий не хватает, одно спасение — огород. Участок 17 соток, до него 8 км. Все вручную, урожай перевожу на велосипеде. Это очень тяжело, особенно теперь, когда заболел. Огород не бросишь: детей кормить надо. Был бы мини-трактор с плугом и тележкой, я бы сажал больше овощей (а то в этом году семь мешков картошки докупали). Обращаться с трактором мы с Женей умеем. *С уважением, Валерий Ермаков, Брянская область*

Заведующая службой соцпомощи района Маргарита Косолапова: «Мини-трактор сильно облегчил бы Ермаковым жизнь. А без огорода этой семье не вытянуть: 1096 рублей на душу, вдвое ниже принятого у нас прожиточного минимума».

Денис Иванов, 2 года, ДЦП, необходимо четыре курса лечения. 134 000 рублей.

Два года я лечилась от бесплодия, и наконец родился Дениска. При родах он не кричал. Оказывается, был обвит пуповиной, не дышал. Его подключили к аппарату искусственной вентиляции легких уже в другой больнице. Развился отек мозга. В пять месяцев страшный диагноз: детский церебральный паралич. Мышцы как камень и никакой реакции на наш мир. Я делала массаж, вытягивала ручки и ножки. В день малыш принимал по десять лекарств, улучшающих работу мозга, но особого эффекта не было. В Научно-терапевтическом центре нас обнадежили: ребенка можно реабилитировать, нужны курсы каждые три месяца. Два таких курса оплатили рязанские организации, еще на два мы осмелились занять. Дениска сейчас сам встает и разгуливает в ходунках, узнает игрушки, собирает пирамидку. Лечение надо продолжать, а денег нет и взять негде. Муж — водитель с зарплатой 3000 рублей. Пенсия Дениски 1300 рублей. Умоляю, помогите! *Юлия Иванова, Рязанская область*

Завотделением Научно-терапевтического центра Ольга Тарасова (Москва): «Денис тяжелый, но перспективный ребенок. Снята скованность мышц. Он реагирует на звуки, фиксирует взгляд, улыбается. Лечить его надо года два-три, тогда он адаптируется в мире. А ближайшие четыре курса просто необходимы: он сможет ходить и себя обслуживать».

Сергей Нечаев, 17 лет, сделана пересадка почки, жизненно необходим препарат селлсепт. 97 208 рублей.

Врожденную дисплазию (недоразвитие) почек у Сережи определили лишь в 8 лет в Российской детской клинической больнице (РДКБ). А пять лет назад почки отказали, и мы вновь попали в РДКБ. Сын пролежал там год, его жизнь поддерживали аппаратом искусственной почки. Наконец в 2000 году пересадили правую донорскую почку. Нам повезло: работает почка нормально. Но чтобы не было отторжения, надо ежедневно принимать очень дорогие препараты сандимун и селлсепт, угнетающие иммунную систему. Иначе организм воспринимает чужой орган как врага и пытается освободиться от него. Живем трудно, но от этих препаратов не откажешься, от них зависит Сережина жизнь. Горздрав обеспечил нас сандимуном, а вот на селлсепт денег нет. Обещают решить этот вопрос через год. Но до этого решения еще надо дожить. Однажды селлсепт нам прислала женщина, ребенок которой умер. Нам бы запастись селлсептом хоть на полгода, а там начнет снабжать государство. На 12 упаковок (по две в месяц) надо 97 208 рублей. Муж нас оставил, от него ни копейки. *Капитолина Нечаева, Ярославская область*

Завотделением гемодиализа РДКБ Валентин Валов (Москва): «Без селлсепта пойдет реакция отторжения. Почку придется удалить и начинать все сначала: поиск донора, трансплантация его почки... А на селлсепте донорская почка работает очень долго».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

Настю Светикову вызывает Берлин

13 декабря Настя Светикова, о которой мы рассказали на предыдущей странице Российского фонда помощи (см. „Ъ“ от 29 октября), вместе с мамой вылетает в Берлин, в университетскую клинику. Наши читатели оплатили не только предстоящую Настину операцию (€26 400), но и визу, дорогу Москва—Берлин—Москва, а также шестинедельное пребывание в Германии.

ПАВЕЛ СМЕРТИН

У москвички Насти Светиковой сложнейший порок сердца. Для нее это будет уже третья по счету операция в Берлине. Первую ей сделали, когда Насте было два года, теперь ей шесть лет. После первой она научилась ходить, после второй — говорить. Сейчас давление в аорте у нее втрое превышает норму. Надо расширить аорту, это и есть цель предстоящей операции. Тогда Настя станет нормально развиваться. Как рассказывает Ирина, мама Насти, немецкие врачи планируют 15–16 декабря провести зондирование, в этом месяце состоится и операция. Билеты на обратную дорогу у Светиковых с открытой датой.

Вот что еще удалось сделать нашим читателям.

Оплачено: лечение по поводу сколиоза Алине Поляковой (13 лет, 213 500 руб., Московская область), Ирине Шведовой (14 лет, 224 330 руб., Новосибирская область) и Даше Суворовой (14 лет, 185 935 руб., Свердловская область); эндопротезирование суставов Фариду Миннибаеву (19 лет, 131 525 руб., Новосибирская область) и Дмитрию Шолухову (17 лет, 197 195 руб., Свердловская область); лечение Даше Тон (7 месяцев от роду, врожденный порок сердца, 151 196 руб., Томская область); Вадиму Саушкину (11 лет, ДЦП, 100 000 руб., Башкирия).

Отправлено: 260 600 руб. на лечение в московской клинике Саше Пушкареву (8 лет, органическое поражение центральной нервной системы, полная стоимость лечения 279 000 руб., недостает 18 400 руб., Москва); 185 000 руб. на компьютер с системой Windows по Брайлю Илье Саморукову (16 лет, тотальная слепота, Кировская область); 98 280 руб. на цифровые слуховые аппараты Даше Степурко (8 лет, Нижегородская область) и Полине Рябовой (6 лет, Башкирия); 73 500 руб. на слуховые аппараты и ортодонтическую операцию Лене Ивановой (14 лет, Псковская область); 57 600 руб. и восемь посылок с одеждой и канцтоварами семье Тамары Артемьевой (муж — инвалид 1-й группы, дочь Юлия, 15 лет, ДЦП, Ярославская область); 38 400 руб. на ремонт дома и девять вещевых посылок Антонине Куровой (29 лет, инвалид 2-й группы, ДЦП, одна воспитывает сына Женю шести лет, на покупку бытовой техники и мебели не хватает еще 28 615 руб., Ставропольский край); 18 000 руб. на тренажер «Беговая дорожка» Алексею Климовицкому (37 лет, черепно-мозговая травма, Москва).

Помогли: Владимир (Бельгия), Виктория от руководителя, фирма «Бэскит», Илона, Ирина (все — Санкт-Петербург), ОАО «Белон» и Андрей Петрович (Новосибирск), Алексей (Нижний Новгород), РОО «Участие», ООО АНФА, Эдуард Александрович, Елена Смирнова (фонд «Созидание»), nikola@..., rkb@..., Владимир, Лев, Михаил Валерьевич, два Михаила, Инна, Вадим Борисович, Андрей Сергеевич, Сергей Эдуардович, Евгений, Валентин Иванович, Борис, Эдуард, Константин, три Ольги, Анна и Николай, Евгения, Ксения, Игорь Сергеевич, Анатолий, Федор, А. А., Светлана Григорьевна, Александр Павлович, Марина Викторовна, Вячеслав Юрьевич, два Александра, Артем, два Андрея, Ирина Евгеньевна, Антон, две Ирины, Наталья, Марианна и Иван, три Елены, четыре Марины, две Галины, Людмила, Мулюков А. Р., Татьяна, Ольга и Евгений, Екатерина, Ольга и Маша (все — Москва).

Спасибо!

ЛЕВ АМБИНДЕР, руководитель Российского фонда помощи

Для тех, кто впервые знакомится с деятельностью Российского фонда помощи

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“, «Домовом» и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $7 млн. Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адреса фонда: 125252, Москва, а/я 50; www.rusfond.ru.
Телефоны: (095) 943-91-35, 158-69-04 (тел./факс).
E-mail: rfp@kommersant.ru.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».